

Ф. Евлашевский

**Мемуары, относящиеся к истории Южной
Руси**

Вып. 2

УДК 93
ББК 63.3
Ф11

Ф11 **Ф. Евлашевский**
Мемуары, относящиеся к истории Южной Руси. Вып. 2 / Ф. Евлашевский – М.: Книга по Требованию, 2021. – 444 с.

ISBN 978-5-458-14856-6

Выпуск 2 (первая половина 17 столетия). Ф. Евлашевский, Я. Собеский. Походы 1625 и 1628 гг. Г. Боплан. Освобождение невольников. Б. Машкевич. Перевод К. Мельник (под редакцией В. Антоновича).

ISBN 978-5-458-14856-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

а именно: вездѣ удержаны нами *sz* для изображенія звука *g* и *z* для изображенія звука *h*, сохранены также *ы* и *и*, какъ употреблялъ ихъ первый переписчикъ, и сдѣлано незначительное отступленіе лишь относительно *ѣ* и *ѝ*. Знаки эти въ рукописи, которою мы пользовались, то опускаются, то ставятся. Не видя въ употребленіи или опущеніи ихъ чего либо опредѣленнаго и существеннаго, мы, для удобства чтенія, вставили эти знаки и тамъ, гдѣ въ рукописи, съ которой мы списывали, они опущены.

Записки Евлашевскаго въ печати появились въ 1860 году въ польскомъ переводѣ г. Евгенія Цѣмновскаго ¹⁾; вслѣдствіе этого онѣ мало извѣстны въ русской исторической литературѣ, между тѣмъ записки эти составляютъ одинъ изъ интересныхъ памятниковъ, поясняющихъ исторію западной Руси во второй половинѣ XVI столѣтія и сообщаютъ многочисленныя черты для обрисовки быта, культуры и міросозерцанія дворянскаго сословія этого края.

Авторъ записокъ—русскій дворянинъ новгородскаго воеводства, Ѳедоръ Евлашевскій, родился въ 1546 г. и проживалъ въ окрестности мѣстечка Ляховичъ (нынѣ случкаго уѣзда минской губерніи); онъ получилъ неблестящее образованіе, единственно возможное, по его словамъ, въ половинѣ XVI столѣтія въ западной Руси; оно состояло въ знаніи русской и польской грамоты, и въ умѣніи читать письма еврейскія, впрочемъ безъ пониманія еврейскаго языка; другія знанія: счетоводство, изученіе законовъ и т. п. авторъ пріобрѣлъ впоследствии, въ то время, когда занимался уже практическою дѣятельностію, частью при помощи лицъ, съ которыми ставивала его судьба, частью личнымъ трудомъ, самоучкою. Тѣмъ не менѣе, не смотря на довольно скудный запасъ знанія, авторъ причисляетъ себя къ передовымъ людямъ своего времени; онъ въ запискахъ старается обобщать отдѣльныя, описываемыя имъ, факты и по временамъ вставляетъ въ свой дневникъ философскія разсужденія: о пользѣ вѣротерпимости, о Промыслѣ Божіемъ и т. п. Изъ

¹⁾ Pamiętnik Teodora Jewłaszewskiego, Nowogrodzkiego podsejka. Wydał T. X-ze L. Wanszawa. 1860.

біографіи автора видно, что современники, признавали дѣйстви-тельно Евлашевскаго человѣкомъ умнымъ и развитымъ; не смотря на довольно скромное имущественное положеніе, онъ пользовался почетомъ и уваженіемъ; знатные паны цѣнили его юридическія познанія и довѣряли ему свои дѣла—онъ велъ, по большей части съ успѣхомъ, въ качествѣ адвоката, процессы во всѣхъ инстанціяхъ, въ томъ числѣ и въ задворномъ королевскомъ и въ сеймовомъ судѣ, пользовался благосклоннымъ пріемомъ при королевскомъ дворѣ и избирался своими согражданами на разныя общественныя должности, исполненіе которыхъ требовало болѣе обширныхъ юридическихъ познаній.

Евлашевскій былъ человѣкъ глубоко религіозный; онъ принадлежалъ къ семьѣ, искренно преданной православію; отецъ его, овдовѣвши, принялъ духовное званіе и умеръ въ санѣ православнаго пинскаго и туровскаго епископа. Не смотря, впрочемъ, на семейныя предавія, самъ авторъ записокъ не остался вѣрнымъ православію: 19-ти лѣтъ отъ роду, проживая въ Вильнѣ, онъ увлекся проповѣдью протестантскихъ пасторовъ и сдѣлался поборникомъ ихъ ученія. Этотъ переходъ къ новой церкви не нарушилъ его добрыхъ семейныхъ отношеній ни къ родителямъ, ни въ послѣдствіи къ женѣ, искренно преданной православію. Впрочемъ переходъ Евлашевскаго въ протестантизмъ не свидѣтельствуетъ вовсе о сильномъ развитіи въ авторѣ религіознаго раціонализма; не смотря на свои близкія отношенія къ протестантскимъ богословамъ, Евлашевскій сохраняетъ глубокую вѣру въ разныя суевѣрныя, языческаго происхожденія, мифическія существа и предразсудки: онъ не разъ въ теченіи жизни видитъ какого-то, преслѣдовавшаго его, огненнаго человѣка, который является ему, лишь только онъ подвергнется горячечному бреду; онъ признаетъ существованіе „лятавцевъ“ и „инкубусовъ“ и серьезно увѣренъ, что появленіе послѣднихъ вызываетъ „повѣтріе“, т. е. эпидемію; онъ глубоко вѣруетъ въ пророческое значеніе сновъ, во всевозможныя предсказанія „ворожбитовъ“ и предзнаменованія. Евлашевскій усвоилъ изъ протестантскаго ученія развѣ только понятія о предопредѣленіи; онъ глубоко вѣруетъ, что самъ онъ лично поль-

зуется особеннымъ, исключительнымъ покровительствомъ Провидѣнія, и очень тщательно отмѣчаетъ факты, изъ которыхъ, по его мнѣнію, явствуется, что строгая кара Господня, иногда даже слишкомъ тяжелая, должна постичь всякое лице, нанесшее ему какую либо обиду или оскорбленіе. Записывая каждый такой случай, онъ приноситъ Господу благодарность за то исключительное покровительство, которымъ онъ пользуется.

Въ отношеніяхъ общественныхъ симпатіи Евлашевекаго сложились согласно занимаемому имъ въ обществѣ положенію. Въ качествѣ бѣднаго дворянина, онъ постоянно долженъ прибѣгать къ протекціи и пробывать на службѣ у знатныхъ и богатыхъ пановъ, потому онъ и высказываетъ постоянно благоговѣніе и преданность по отношенію къ лицамъ, высоко поставленнымъ въ дворянской средѣ того времени и съ особеннымъ уваженіемъ относится къ членамъ рода Ходковичей, у которыхъ находится на службѣ въ продолженіи всей своей жизни; но смотря на польское право, нивелировавшее *de jure* всѣ слои литовскаго шляхетства послѣ 1569 года, Евлашевскій глубоко убѣжденъ въ превосходствѣ „пановъ“ надъ шляхтичами и съ большей гордостью говоритъ о своемъ званіи слуги Ходковичей, чѣмъ о земскихъ судейскихъ должностяхъ, которыя ему достаются по выбору, какъ члену независимаго и полноправнаго сословія.

Записки Евлашевскаго носятъ исключительно личный автобіографическій и мѣстный областной характеръ; вслѣдствіе этого онѣ изобилуютъ бытовыми подробностями и содержатъ весьма мало извѣстій о крупныхъ политическихъ, современныхъ автору, событіяхъ; о послѣднихъ онъ по большей части упоминаетъ вкратцѣ, прибавляя притомъ замѣчаніе, что, желающіе ближе познакомиться съ ними, найдутъ гораздо болѣе подробностей въ другихъ сочиненіяхъ. Событія эти очевидно интересуютъ автора живѣе только въ такомъ случаѣ, если они непосредственно касаются его околотка: но авторъ обитаетъ въ одномъ изъ центральныхъ воеводствъ великаго княжества литовскаго, до территоріи котораго внѣшнія событія достигаютъ рѣдко; этимъ обстоятельствомъ, вѣроятно, можно объяснить

то, что изъ всѣхъ политическихъ событій, упоминаемыхъ авторомъ, подробнѣе другихъ описанъ набѣгъ Наливайка на литовско-бѣлорусскія области, такъ какъ набѣгъ этотъ коснулся литовскаго Польска, въ которомъ жилъ самъ авторъ.

Евлашевскій писалъ свои записки, какъ это видно изъ его собственныхъ словъ, въ концѣ жизни, именно занимался составленіемъ ихъ въ 1603—1604 годахъ, но при этомъ онъ несомнѣнно пользовался братскими замѣтками, которыя составлялъ въ теченіи всей жизни, такъ какъ время упоминаемыхъ имъ событій онъ всегда опредѣляетъ весьма точно, обозначая не только годъ, но также мѣсяцъ и число, когда они случились.

Записки написаны на западно-русскомъ языкѣ, напоминающемъ языкъ литовскаго статута и грамотъ XVI столѣтія; впрочемъ воспитаніе, а также частыя посѣщенія Евлашевскимъ столицы и многочисленныя связи съ польскими панами отразились на его рѣчи; она подверглась, какъ намъ кажется, въ большей мѣрѣ польскому вліянію, чѣмъ рѣчь другихъ письменныхъ памятниковъ XVI стол.

Дневникъ Евлашевскаго въ русскомъ текстѣ былъ напечатанъ нами въ Кіевской старинѣ за 1886 г., въ январской книгѣ.

Самому пану Богу мому зо всякихъ добродѣйствъ его насветшое милости нехъ застава вечна честь и хвала, за которого презренемъ и я, Федоръ Евлашевскій, уродилемсе отъ выше поменненыхъ родичовъ моихъ въ Ляховичахъ, въ року отъ нароженя сына Божого 1546, мѣсяца февраля 7 дня, въ неделю ночи пришлое, оболо полуночи, а давно ми име ведля свята руского, которое было на онъ часъ въ понедѣлокъ, мѣсеца февраля 8 дня, а у римляновъ положено естъ мѣсеца марца 2 дня—Теодора, гетмана отъ Лициниуша замучоного. А яко меломъ ведомость отъ родичовъ, же въ рокъ по уроженю моемъ, промовилемъ до отца моего „абба“, зъ чого се они урадовали; але я намней потомъ не мовилъ, ажъ въ полъчварта року отъ нарожиня моего почаломъ мовить, а въ пятомъ року почато мно бавити наукою рускою, вгдыжъ въ тыхъ часехъ въ той

нашей стороне не было еще иныхъ наукъ, и для того пришло ми зостати зъ рускою наукою; и по жидовскый написати умелемъ, але тое письмо ихъ потребуе умеетности языка ебрайскаго, або хотъ немецкаго, кгдажь вже теперь библія жидовскал немецкимъ езыхомъ, а литерами ихъ выдана, чогабъ полскимъ езыхомъ учинити бы се не могло для ортокграфей, якої въ иныхъ языкахъ не машъ. А потомъ удавши се на службу, трафяли ми се таки паны, которые ме оборачали до браня поборовъ и чиненя личбъ, порозумевши на то зъ натуры способного: и панъ Богъ былъ завше зо мною.

А потомъ, за наступленемъ и поднесенемъ войны отъ короля его милости Жикгимонта Августа зъ кнеземъ Иваномъ московскимъ, року 1564 мѣсеца генваря 27 (*билемъ въ битвѣ*) на Иванымъ полю надъ рекою Улою, а потомъ—то и до вириереня были ми частые язды на тые войны: а яко оттеразъ упатрую, мало потребные, бовемъ же и речи посполитой пожитку не веле те войны приносили, а мно паметне зостали для утерпеня великихъ пригодъ, трудностей, шедъ и невыповеденыхъ невчасовъ. Самому пану Богу хвала, же ме зо всехъ ихъ выбавяеть, а праве на некоторыхъ местцахъ чудовне охраняеть рачилъ, давши ми праве у вшиткихъ людей вдячность, ласку и учинность надъ надее мое, а неприятелей, которые негда зъ задрости повставали и головы свои поднести хотели, значными припадками зъ света зглажаючи, жемъ тою праве толко ласкою Божою не толко убезпечоный, але и розпещоный будучи, никгдамъ се ку оборонѣ отъ неприятелей моихъ не готовалъ, анимъ се за слова ихъ бралъ, очекиваючи власне помсты Божой, котра тежъ никгда не омешчала, а негда и ве мне самымъ ажъ плачь и велике порушене въ духу чинила, уважаючи такъ вшехмоцного и великого Бога незапаметане мне, межи незличонымъ людомъ, яко робачва малого, и непожаловане тратити можнейшихъ надъ мене ку обороне моей.

Року 1565 мешкалемъ въ месте Виленскомъ, выбираючи поборъ, названный покловный, гдемъ мелъ великую втеху, слушаючи слова Божого во зборе христианскомъ за министровъ вчонныхъ: Вендрокгорского и Костеницкого, а противнымъ zase обычаемъ зналемъ великую

ласку мужа годного памяти, князя Яна Маковецкого, архидiakона варшавского, кустоша и каноника виленского, писаря въ скарбе короля его милости, который ме барзей въ те то личбы вправиль и доброго ме пожитку набавиль и веля людямъ въ знаемость подалъ и залециль; бовемъ на онъ часъ разность веры не чинила наимнейшой разности приятельской, для чого самого тамтогъ всеъ золотымъ ми се видиль отъ нинейшого веку, кгде южъ и межи одной веры людьми облуда все заступила, а покготовю межи розными веры ани се пытай о милость, щирость и правдиве добре заховане, а навенцей межи свецькими станы. Помню бовемъ и недавно прешлыхъ часовъ, кгде дисейший папезъ Клеменсъ еще кардиналомъ былъ у короля его милости Стефана въ Вилне, седиломъ у столу князя Бартломея Недзвицкого, каноника виленского, зъ преднейшими слугами (влохами) его, тые же се кгде довели, жемъ евангеликъ, дивовались барзо, яко ме смель князь каноникъ на обѣдъ свой взывати, а кгде имъ онъ преложиль, же въ насъ зъ того жадна ненависть не была и милуемосо яко зъ добрыми приятелы, хвалили то влохи, мовечи, же ту Богъ живе, а ганили свои домовы права а родини неснаски. О Богъ бы то далъ, абы и теразъ ласкавше веки наступить могли, жебы хрестияне, преложоного и навышшого монархи хрестиянского, отца папежа, въ лепшимъ попанованю мели, а одъ него, яко отъ отца мудрого и ласкового зношони и миловани были, прикладомъ отца домового, который сыновъ своихъ, и розныхъ отъ себе и отъ другой брати въ обычаяхъ, зносити умель.

1566 року, въ осени, поветре квалтовне въ месте Виленскомъ было; мешкалемъ подъ нимъ не мало, бачечи тамъ доктора Сепреза и ившихъ канониковъ и людей разныхъ, которе тежъ въ тимъ поветрю живо zostали были, а маючи отъ помененого доктора пересторогу, межи иными речами, абымъ се перелякнени варовалъ, кгдежъ се и побусы въ поветрю указують, але, если бы се що привидило, жебымъ шедль противъ тому безопасно и до броне се мель, то мело згинути; и такъ я, южъ будучи въ себе постановеный, едучи зъ Вилна до дому, мяновите въ Дорогове, въ стодоле ночуючи, обачилемъ южъ на свитаню въ избе огнистого человѣка,

до котораго гдымъ се порвалъ, онъ тежъ до мене выступовалъ и, зшедши се середъ избы, порвалемъ зъ запалемъ ножъ и ударилемъ нанъ, а онъ, зникнувши, зновъ се былъ въ тымъ же куте указалъ и знову до мене шелъ; а я шапку рутилемъ нанъ и овно отворилемъ; южъ малый день былъ, а то згнуло; а тамъ въ избе былъ господаръ зъ жоною и пахолокъ подорожный, але того не слышели; потомъ балемъ се ехать до дому, розумеючи, жемъ се заповірилъ; и тыжъ тамъ умыслилемъ былъ бавить се длужей, до чого се тежъ и причина налезла; згнула ми была ручница коротка зъ олстремъ зъ воза моего въ стодоле, о которой выведане копнымъ обычаемъ чинилемъ, а вшиткимъ шродъ то видено мое поведалемъ. Обачили потымъ ручничку мою надъ возомъ въ самомъ верху завешану, ажъ драбину зъ веси принесши, знято ю. Затымъ невеста стара шляхтянка, неяка Жолнерова, кдымъ ей мовилъ о томъ виденю, же се бою, если бымъ кгде не заповірилъ се, бовемъ и въ Новокгородку было поветре, она ми рече: „не бой се! не поветре!“ але, указавши недалеко свой домекъ, „зъ окна, поведила, виделамъ завше, яко лятавецъ приходитъ до той ту невесты господарской“. И такъ, за се отухою, ехалемъ до дому, где за ласкою Божою зе вшиткимъ здоровымъ былемъ. Одножъ потомъ во три чверти року припадать ми почало въ спаню за якимъ колвекъ злякненемъ душе не прикре барзо; и меновали докторове ту хоробу икубусомъ и лечено ме на то на розныхъ местцахъ, але хотъ южъ не такъ часто, яко зъ перву было, однакоже презъ увесь животъ мой почувалемъ я въ собо той припадокъ.

Тогожъ року 1565 на перше роки земске были во всемъ панстве Литовскимъ о светомъ Михаило; а Новогородски, за заповіренемъ места Новокгородского, въ Ляховичахъ сужоны были; а старостою на онъ часъ былъ ляховицкимъ панъ Володимиръ Семеновичъ Заболоцкий, зацного дому человекъ зъ Москвы.

Року 1565, а веку моего 21, были летомъ у короля его милости Жикмонта Августа послове великые московские, то есть на имя: Федоръ Ивановичъ Колычовъ, наместникъ суздальскій, человекъ зъ нимъ 728, а коней 922; Григорій Ивановичъ Накгой, дво-

роцкий, людей зъ нимъ 269, а коней 384; Василій Яковлевичъ Щолкановъ, дьякъ або писарь, людей зъ нимъ 228, а коней 332. Сума всихъ людей 1,225, а коней 1,638; зъ которыми о спокою ниць се не постановило. Тое же осени король, его милость, былъ зъ войскомъ въ шикъ подъ Радошковичами.

Року 1568 по сойме Вгроденскомъ и по зезде воинскомъ ехаль король, его милость, до Люблина для сконченя унеи; откуль року 1569, на другой недели посту великого, панове сенаторы литовцы, бачечи веле речей себе противныхъ, отехали были зъ Люблина; вшакже по великой ночи презъ универсалы короля его милости, за печатю коронною вынесенными, знову до Люблина собрани будучи, скончили унию августа месяца 11 дня. А предтымъ еще еамля Киевская, Волынская и Подляшская до коруны присужоны и списами прилучоны были, не за разъ, але зъ особна по одной земли отъ Литвы урываючи, яко свитчать привилія имъ даные: въ Подляшскомъ найперша дата, албо снадней одерване—марта пятого; за тымъ у Волынской земли двадцать шостого дня мая, а Киевска земля и далей затримана была, ажъ ей привилей выдано шостого дня чирвца въ ономъ же року 1569.

Року 1570 былъ съемъ у Варшаве, але се розехали безъ констытуцией за незгодою, а подъ тымъ часомъ послы были у московского. а мновите съ Полски: панъ Янъ зъ Борчина Кротоский, воевода иновлодавский, и панъ Рафаль Лещинский зъ Лешна, староста радеевский, а зъ Литвы: панъ Миколай Тальвишъ, каштелянъ минский, а панъ Андрей Ивановичъ, писарь короля его милости; которые князю великому московскому Ивану Васильевичу о доконченю унее наше ознакомили и примере на три лета принесли. Смеялсе московский на ознакомиене унеи, мовечи: „дивномъ я то видалъ, Ляхи и Литва королевские“.

Того року трохамъ былъ до дому се зъ Варшавы звротилъ въ лето и знову зъ початку осени ехалемъ до Варшавы и мешкалемъ тамъ презъ вшитку осень спысковалемъ въ потребахъ короля его милости, хотъ ми послуга мерзила.

Приехали до дому остатнего дня грудня въ року 1570, где заставши пана отца и паню матку у вечери, заразъ не моглемъ доседеть у столу: припала ми срога горячка, бовемъ въ дорозе меломъ при собе хорыхъ людей и заповітрилемсе отъ нихъ още у Венгрови, а потымъ, жемъ презъ тыйденъ ехалъ не подаючи се, ажъ южъ гвалтовне мя въ дому зломало, и то была дивна справа Божя, же ми въ дорозе уфолковать рачилъ. Лежаломъ въ той хоробо семь недель и отпадывалемъ, або въ рецыдыве входилемъ, трикратъ, даючи причины на то зъ необаченя моего, яко въ молодомъ веку моемъ. Ледвемъ се выбилъ и оздравляти почалъ подъ месопусты въ року 1571.

Въ томъ року 1571, по великой ночи, ехалемъ до Варшавы и мешкалемъ при дворе; ажъ липца 17 ехаломъ былъ до дому и, приехавши до местечка што се zove Добрымъ, захоралемъ на горючку и казалемъ се везты ажъ до Брянска, маючи тамъ доброго человека, кгосподаря Яна Манзика, гдемъ долежалъ выпоценя и свонченя той хоробы; а пани matka моя, не водаючи о мне, гдемъ былъ и што се зо мною деяло, але сердцемъ материнскимъ чуючи то, велце се зфрасовала и здорове себе понсовала, звлаща, по первыхъ хоробахъ моихъ и фрасункахъ своихъ значне здорovia урвала; и за приеханемъ моимъ до дому але по первымъ привитаню жалосный билемъ, розумеючи о ей недолгомъ животе: якожь потомъ въ марцу пришломъ живота dokonала.

А я еще осени той мусилемъ Варшаву наведити, кгдашь тамъ король, его милость, Августъ мешкалъ а мне потребности короля, его милости, правниа ку отправованю злецоны были.

На початку року 1572 былемъ забавеный потребами его милости пана Миколая Кристофа Ходкевича, маршалка дворного, княжати на Олице и Несвижу, а теразнейшого пана воеводы троцкого, которыхъ потребъ, яко у пана великого, досыть было. Але ми се наприкрили надъ иные sprawy якогось пана Шахна, землянина его вняжеской милости зъ маетности Сверженской, который задарши се зъ паномъ Миколаемъ Служкою, старостичемъ крычовскимъ, суседомъ той-же маетности Сверженской, дывне штуки вырожалъ и паны

затруднилъ, ажъ добро се его милость панъ маршалокъ (звѣща яко въ молодымъ веку самъ) доведивши се, въ паномъ Службою до поровнаня приятелского пришолъ и пану Шахнови за добре не мель. Отъ тыхъ часовъ завшемъ служилъ въ потребахъ его княжеской милости пана воеводы нинейшого троцкого, хотъ потымъ не завше притомне, однакже правдиве и пилне ажъ до той старости моей, въ которой то, а меновите въ року панскомъ 1603 пишу и деткомъ своимъ раду мою zostавую, абы се при мне и по мне его княжеской милости и деткомъ и домови его княжеской милости приеладомъ моимъ служить се не вымовляли. Въ томъ року 1572 дня 8 фебруарія сполнило ми се отъ нароженя моего летъ 26, а семый двадцатый насталь.

Въ тымъ-же року нещасливого месеца марца второго дня въ неделе предеднемъ умерла намилшая matka моя Феодора зъ великимъ жалемъ пана отца нашего и насъ, детей ихъ милыхъ; которой тело пристойною учтивостю поховано въ Ляховичехъ въ церкви русской.

А ту се за смертю пани матки моей розервано мыслей моихъ стало вторе: были ехать до Угоръ и до Турціи, звездати инше крайны далеке, научить се ремесль розныхъ, егдыжемъ былъ жалосный.

За смертю пана отца моего детокъ ховане и опатроване, albo опека детокъ ихъ, братьей и сестеръ моихъ, на мя припадши, въ тыхъ бутехъ света мне затримали.

Того-жь року былъ съемъ валный у Варшаве, але король, его милость, Августъ южь былъ хорый, протожъ се ничего не постановило. Былъ и чаушъ отъ турка; слухали го панове радние; на местцу королевскомъ арцыбискупъ Якубъ Уханский седилъ. Мовилъ турчинъ, слуга чаушовъ, за его указованемъ турецкимъ по латине, которому признавано, же добре мовилъ; а при отправетою чинилъ му респонсъ панъ канцлеръ Валентый Дембинский по полску. И татаринъ нашъ наготованный хтелъ му толмачити, але чаушъ не казалъ, поведаячи, же самъ розумитъ по полску; указовано то отъ многихъ людей, же се туркове въ Парыжу французкомъ пилне латины учатъ, а бодай не перенесли се до нихъ науки, яко се перенашали первой отъ народовъ тыхъ до другихъ, што теперь, яко слышмы о великихъ наукъ розмно-